

Комфортное оцепенение: краткая история новозеландского мусульманского дискурса и мысли

АБДУЛЛАХ ДРУРИ¹ (ABDULLAH DRURY)

Резюме

В этой статье описывается история некоторых основных идей, тем и ценностей, лежащих в основе новозеландской мусульманской мысли и мировоззрения. Обоснование основывается на гипотезе о том, что при определении религиозной и духовной идентичности одним из наиболее важных аспектов, которые необходимо учитывать, являются многочисленные различия в эпистемологических, методологических и онтологических предпосылках, когда мы пытаемся понять первоисточники религиозного знания и практики. Первый раздел статьи

¹ Абдуллах Друри имеет степень магистра философии Университета Вайкато и занимается исследованием истории новозеландской мусульманской общины. Он имеет степень бакалавра истории и степень магистра гуманитарных наук с отличием по истории Университета Вайкато.

Drury, Abdullah. 2021. "Comfortably Numb: A Short History of New Zealand Muslim Discourse and Thought". *American Journal of Islam and Society* 38, nos. 1–2: 238–259 • doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3403
Copyright © 2021 International Institute of Islamic Thought.

представляет общую эвристику и методологию описания и демаркации мусульманской идентичности или способов быть мусульманином в Новой Зеландии в экзистенциальном смысле. Во второй части обсуждается исследование, выявившее и определившее мусульманскую идентичность среди граждан Новой Зеландии. В третьем разделе освещаются некоторые из основных тем, лежащих в основе мировоззрения местных мусульман, включая заповеди религиозно-общинной власти, самостоятельности и представленности, а также идеи, связанные с концептуализацией и интерпретацией исламских традиций.

Введение

Споры о том, может ли иметь место «новозеландский ислам», не утихают с 1980-х гг., когда эту идею сформулировал доктор Уильям Шепард^[1]. Некоторые громогласно осудили эту концепцию как чуждую или ассимиляционистскую, навязанную мусульманам, для которых ислам не имеет эпитетов^[2]. Идея сохранилась. После массового убийства в Крайстчерче в 2019 г. эта тема привлекла внимание и вызвала вопросы: разве уже не существует коренной мусульманской социальной единицы или идентичности? Разве уже не существуют автохтонные новозеландские мусульманские общины, имеющие некоторый опыт функционирования в рамках светского государства? Действительно, самая старая из этих исламских общин — мечеть Понсонби, находящаяся в ведении Новозеландской мусульманской ассоциации, созданной в 1950 г., — рассматривалась как потенциальная модель для других групп иммигрантов-мусульман и их отношений в рамках относительно современного светского государства^[3].

Можно утверждать, что история и практика новозеландского ислама преподносят ряд заслуживающих внимания уроков для тех, кто стремится культивировать, воспитывать и поощрять мягкий и позитивный ислам в стране: здесь имеется широко распространенное признание примата современного светского государственного аппарата, свободная административная централизация различных мусульманских институтов и прагматическая приспособляемость к понятиям «современности»^[4]. Делает ли это его образцом для подражания?

Эта статья подвергает сомнению понятие «новозеландский ислам», как слишком простое, разъясняя конкретный исторический, политический, а также интеллектуальный контекст, в котором он возникает. В частности, я заинтересован в том, чтобы проанализировать современную популярную логику поиска особой местной мусульманской общинной идентичности. Одна из основных задач моего исследования заключалась в том, чтобы должным образом перечислить моменты, которые имеют значение, а затем присвоить им вес (который предположительно меняется в зависимости от времени и места). Я предлагаю поразмышлять над тем, что может означать «новозеландская модель», в три этапа: дать характеристику модели; поместить ее в исторический контекст; и воссоздать контекст усилий современного исламского сообщества по определению местной исламской традиции и согласованию места в светском обществе, – а также оценить результаты.

Новозеландская модель для мира?

Первыми мусульманами, посетившими Новую Зеландию, были ласкары, азиатские моряки, работавшие на борту европейских кораблей. Британская колония Новая Зеландия была создана в 1840–1841-х гг., когда капитан ирландского происхождения Уильям Хобсон заявил о своем суверенитете и заключил договор с коренными полинезийскими племенами^[5]. Установленная при королеве Виктории территория стала независимой колонией, а иммиграция из Европы, особенно из Великобритании, увеличилась. В 1852 г. была избрана законодательная палата, и с 1856 г. колония фактически получила самоуправление во всех внутренних делах. В 1907 г. король Эдуард VII провозгласил Новую Зеландию доминионом в составе Британской империи, а четыре десятилетия спустя государство приняло Вестминстерский статут, подтвердив лояльность британской короне, но полную автономию новозеландского парламента^[6].

Благодаря этому уникальному, хотя и безболезненному колониальному наследию Новая Зеландия является преимущественно англо-европейской по культуре, геному, вере и закону, но предоставляет особый статус коренному полинезийскому населению (маори). В дополнение к основным европейским и полинезийским элементам генофонд содержит некоторые следы прибывших туда различных поселенцев: африканцев, ки-

тайцев, индийцев и других. Это отражается в большой неоднородности тона кожи, роста, строения лица и тела, цвета глаз и волос и так далее. В равной степени Новая Зеландия неоднородна с точки зрения религии: атеисты, католики, иудеи, мусульмане и протестанты живут вместе в соседских отношениях, которые переживают чередующиеся периоды торжественной доброжелательности и враждебности.

Первая мусульманская семья прибыла на постоянное проживание в Новую Зеландию в 1854 г., когда Вузера и его семья покинули Индию и поселились недалеко от английской колонии Крайстчерч в провинции Кентербери. Первоначально он работал на сэра Джона Кракрофта Уилсона, а позже участвовал в перевозке камня из Порт-Хиллз в знаменитый (англиканский) собор Крайстчерч, когда он был построен в 1880-х гг. Вузера умер в 1902 г. С 1890-х гг. мужчины из Индии стали приезжать на работу по всей стране, а после 1930-х годов некоторые из них начали привозить жен и детей. В 1950 г. была создана первая исламская организация, когда в Окленде, крупнейшем городе страны, была основана «Ассоциация мусульман Новой Зеландии» (NZMA). Перепись 1951 г. зафиксировала чуть более 200 мусульман на всей территории страны^[7]. В том же году судно «Гойя» доставило в Новую Зеландию десятки мусульманских беженцев из Восточной Европы. В 1959 г. Ассоциация мусульман Новой Зеландии приобрела старый дом, который был перестроен для использования в качестве первого исламского центра. В следующем году Маулана Ахмед Саид Муса Патель (1937–2009) прибыл из Индии, чтобы стать первым официальным муллой; в течение 30 лет он руководил молитвами, вел регулярные занятия по изучению Корана и способствовал исламскому образованию в центральном Окленде. Первая специально построенная мечеть в Новой Зеландии была возведена Ассоциацией в Окленде в 1979–1980 гг. На протяжении 1960-х и 1970-х гг. небольшой ручеек мигрантов, беженцев и студентов помогал в создании новых региональных мусульманских организаций за пределами Окленда. Например, в столице Веллингтоне в 1962–64-х гг. была создана «Международная мусульманская ассоциация Новой Зеландии»; «Мусульманская ассоциация Кентербери» была образована в Крайстчерче в 1977 г. В 1979 г. во всей Новой Зеландии насчитывалось около 2000 мусульман, и представители региональных ассоциаций собрались, чтобы создать новый орган, отчасти вдохновленный желанием координировать общинные дела на национальном уровне; в апреле 1979 г. была образована «Федерация исламских ассоциа-

ций Новой Зеландии» (ФИАНЗ) с беженцем с судна «Гойя» Мазхаром Красничи (1931–2019) в качестве первого президента^[8]. Это было ярким выражением самостоятельности и представленности, преданности и целенаправленности. В 1984 г. Федерация заключила свой первый ежегодный контракт на халяльное мясо с Советом производителей мяса Новой Зеландии, полуправительственным учреждением; с этих пор все новозеландское мясо, экспортируемое за границу, проверялось и сертифицировалось местными мусульманами, чтобы убедиться, что оно действительно является халяльным. В 1982 г. шейх Халид Камаль Абдул Хафиз (1938–1999) из Индии прибыл, чтобы служить имамом в Веллингтоне. В 1984–85 гг. Мусульманская ассоциация Кентербери в Крайстчерче построила первую мечеть на Южном острове с помощью Саудовской Аравии. В марте 2019 г. австралийский террорист убил 51 верующего в этой мечети и в другой в пригороде Линвуда, что привлекло существенное внимание международного сообщества к этой небольшой мусульманской общине. Согласно переписи 2018 г., в настоящее время во всей Новой Зеландии проживает более 57 000 мусульман^[9].

Исходная привлекательность новозеландской модели основана на двух основных особенностях: во-первых, она представляет собой относительно модернизированный вид исламской практики, будучи при этом автохтонной и легитимной; и, во-вторых, она может послужить примером для других мусульманских народов в южной части Тихого океана и в других местах. Кажется, что внутри западной нации существует подлинная способность принимать современность, не отказываясь от религиозных убеждений или традиций^[10]. Это предполагает, что умеренно централизованный и квазиинституциональный тип ислама может быть успешным в агрессивно-секулярных рамках. Хотя мы должны признать, что невозможно воспроизвести эти точные институты где-либо еще, тем не менее можно сделать предварительный вывод, что Новая Зеландия вполне может служить положительным образцом для общества.

Французский историк Ксавье Бугарель утверждал, что «все эти споры можно свести к центральной проблеме: отношения между исламом и западной современностью (modernity)»^[11]. Есть ли явные тенденции к новозеландской исламской современности? Исламскую традицию Новой Зеландии можно свести к шести ключевым пунктам: 1) в высшей степени толерантный суннитский ислам, опирающийся на ханафитский *мазхаб* (школу исламского права); 2) преобладание в

целом южноазиатской культуры и наследия; 3) исламизация народных обычаев; 4) совершенствующая интеллектуальная традиция реформизма в интерпретации ислама; 5) институционализация ислама в форме региональных мусульманских ассоциаций и национального органа, Федерации исламских ассоциаций; и 6) практика ислама как «общепринятой культуры» для мусульман в рамках непосредственно англо-европейского светского государства с упором на сострадание и милосердие.

Можно возразить, что ислам в Новой Зеландии исторически шел разными путями и что идея индивидуализированного — личного — ислама в светском государстве представляет собой лишь одну из возможных траекторий среди других. (Мне кажется, что идентификация ислама как некоей политизированной националистической идеологии здесь никогда не пройдет). Боснийский ученый и политик Алия Изетбегович пишет: «Ислам является и должен быть постоянным поиском на протяжении всей истории состояния внутреннего и внешнего баланса»^[12]. Это доказывает, что вера должна быть свободна от овеществления, действительно надкультурна и универсальна по своему характеру и способна преодолевать этнические и языковые различия. В Новой Зеландии вера чрезвычайно сложна и многогранна; она представляется пещерой Аладдина с уникальными проблемами и возможностями для более широкого круга публики, основного немусульманского общества, из-за ее специфических экономических, правовых, политических и социальных особенностей. Помимо чисто духовных соображений, глубокого рассмотрения требует философско-теологический (quodlibetical) вопрос о том, как светская страна может наилучшим образом приспособиться к этой вере меньшинства. Загадка того, как мусульмане, как отдельные лица и простые граждане, могут проживать в Новой Зеландии, также сложна, но в меньшей степени^[13].

Все чаще сами мусульманские лидеры Новой Зеландии представляют свою исламскую практику как явную модель для других обществ южной части Тихого океана. Многие президенты Федерации исламских ассоциаций представляли видение взаимной межконфессиональной толерантности и взаимного уважения, а также развития новозеландских исламских институтов^[14]. Такие заявления были замечены в правительственных кругах: видение ФИАНЗ изображалось в государственных СМИ как функциональная модель для мусульман во всем мире^[15]. Более того, например, профессор Дуглас Пратт (Douglas Pratt) из Оклендского университета систематически говорит о новозе-

ландских мусульманах как об автохтонных гражданах. В своей книге 2005 г. «Вызов ислама: встречи в рамках межконфессионального диалога» (*The Challenge of Islam: Encounters in Interfaith Dialogue*) он подробно изложил то, что делает новозеландский ислам и мусульман уникальными и коренными одновременно, подчеркнув готовность лидеров мусульманских общин иммигрантов публично говорить о своей вере с лидерами других религий^[16]. Во-первых, их суннитская традиция права, поскольку их ханафитская школа права считается наиболее прагматичной. Во-вторых, тот факт, что новозеландские мусульмане приняли английский язык и не создавали языковых гетто. В-третьих, процесс иммиграции и поселения на новой земле фактически означал конец любой изначальной религиозной или этнической самоизоляции и требовал взаимодействия и переговоров с другой цивилизацией. В какой-то степени это означало своего рода конфронтацию и ироническое размышление над различными стилями философии, управления, личного и общественного поведения. В итоге это привело к разрозненному и приукрашенному процессу обеспечения духовной автономии в этом новом обществе посредством создания и поддержания самоуправляющихся конфессиональных органов и институтов. Наконец, поскольку новозеландские мусульмане перестали быть субъектами господствующей религиозной парадигмы и стали — добровольно — дополнительным (ancillary) меньшинством, живущим на периферии бывшей Британской империи, их религиозная идентичность стала представлять собой полезную универсальную опору здесь для многих *му'минун*. Многие новозеландские мусульманские лидеры из всех сил стараются подчеркнуть, что ислам поддерживает науку и человеческий разум и что в этом нет противоречия; многие превозносят практические преимущества светского государства, идеализируя при этом абстрактное понятие теократии одного лишь пророка Мухаммада.

Кто-то может возразить по двум вопросам меньшего порядка: традиция мусульманской реформистской мысли и характер исламских институтов, унаследованных от опыта Южной Азии. Традиционные улемы и интеллектуалы, склонные к модернистской литературе, помогли поглотить цивилизационный шок упадка (и исчезновения) Халифата как международного, универсалистского центра религии. Исторически сложилось так, что авраамические цивилизации были осторожным продуктом либеральных амбиций, сдерживаемых консервативной дисциплиной. На протяжении всей эпохи британского владычества

большинство членов мусульманского религиозного меньшинства Индии сотрудничали и договаривались о своем месте в развивающейся иерархии с нескрываемым дружелюбием и радостью; многие усердно служили на государственной службе и в вооруженных силах, чтобы исправить определенные беззакония. Долгосрочные социальные последствия модернизации, такие как роль женщин, были непростыми. Мусульманским лидерам Южной Азии часто приходилось приводить веские доводы в пользу модернизации, основанные на исламских предписаниях и терминологии. (Любопытно, что можно утверждать, что исламская реформистская традиция стала основой движения исламского возрождения после 1970-х гг.).

Хотя Федерация исламских ассоциаций Новой Зеландии (ФИАНЗ) имеет серьезные недостатки, а иногда и совершенно некомпетентна, она стала важным компонентом религиозной идентичности новозеландских мусульман^[17]. Орган определенно предлагает себя в качестве модели: созданный местными иммигрантами в эпоху, когда во всей стране было всего 2000 мусульман, он является самоуправляющимся, самофинансирующимся и квазидемократическим. Все руководящие посты заполняются путем выборов: прямых на уровне местной общины (дочерних региональных мусульманских ассоциаций) и руководства Федерации и косвенных на более высоких уровнях, включая различные комитеты. Мусульманские ассоциации и Федерация управляются конституциями, соответствующими законам Новой Зеландии и исламским принципам. Все улемы набираются из-за границы на местном общинном уровне, в основном из Азии. В результате представительного и централизованного характера Мусульманских ассоциаций и Федерации институт является довольно адаптируемым, стабильным и, что наиболее важно, смог противостоять опасности зарубежной радикализации. Действительно, благодаря своей сложной и гибкой структуре Федерация в основном смогла наложить некоторый моральный авторитет на все аффилированные мечети (и большинство внешних групп, склоняющихся к фундаментализму), и — хотя ее иногда осуждают как религиозную химеру — она продолжает пользоваться определенным доверием и легитимностью среди верующих, которым призвана служить и представлять.

Исламские институты Новой Зеландии в историческом контексте

Когда я пишу, что основным наследием новозеландских мусульман может быть их религиозная основа и институционализация в рамках мусульманских ассоциаций и национальной Федерации, я, возможно, поддерживаю несколько чрезмерно оптимистичные оценки тех, кто думает, что новозеландский ислам может быть непосредственной моделью для более широкого Южно-Тихоокеанского региона. Тем не менее эти гибкие институты и традиции являются органически выращенными социальными явлениями. При рассмотрении «новозеландской модели» в ее историческом контексте становится более очевидным, что институционализация, модернизация, самоуправление и т. д. могут быть результатом по большей части сложных, нелинейных и агонистических исторических процессов, которые могли привести к различным результатам. Или это является отражением некоторой приверженности заниженным ожиданиям?

Под нашей сложной когнитивной и социальной архитектурой скрывается слой символической и драматической нарративной репрезентации, которая конкретизирует и акцентирует одни и те же идеи и идеалы, но в многомерном и многогранном контексте. Религия обеспечивает богатую форму власти, с которой обращение к человеческому разуму не может серьезно состязаться, и приносит искусство, архитектуру, музыку, литературу и основные социальные блага всему человечеству. В течение долгого времени религия и вера выступают в качестве ментального бастиона или опоры — когнитивной структуры против различных сил, которые могут разрушить общество изнутри или создать хаос и забвение в качестве конечных целей. Один из примеров вышеупомянутого явления можно наблюдать в публичных заявлениях и предложениях Мазхара Красничи, первого президента Федерации исламских ассоциаций^[18]. Когда в Понсонби, центральном Окленде, была возведена первая специально построенная мечеть, он занялся многоаспектной публичной дипломатией и выступал от имени новозеландских мусульман в тот момент, когда у многих мусульман Южно-Тихоокеанского региона было мало известных представителей после некоторых довольно драматических ситуаций. Например, в интервью СМИ 1979 г. Красничи рассказал о растущем числе обращений в ислам:

Большинство из них — это люди, соприкоснувшиеся с исламом во время путешествий по Ближнему Востоку. Почти каждую неделю к нам приходят новые члены. Если так пойдет и дальше, в скором времени киви-мусульмане^[19] превзойдут нас численно. А если серьезно, то это одна из веских причин, по которой нам срочно нужна мечеть, чтобы у нас были надлежащие условия для этих новообращенных^[20].

Наряду с этой и другими декларациями черчиллевского масштаба он последовательно приводил веские доводы в пользу взаимного признания и толерантности к исламу и христианству, а также прав человека, капитализма и демократического секуляризма для институционализации мусульманских общин в рамках новозеландского законодательства^[21]. Подводя итог, Красничи скромно утверждал, что жизнь состоит не только из ложных задач, и что исламская религия способна свидетельствовать об универсальных идеях и идеалах человечества. Он заключал, что практика религии давала верующим то, что древние греки называли катарсисом (очищением эмоций), как психологический результат молитвы; результат может дать верующим возможность лучше контролировать и регулировать свои чувства (с аксиомой: «что бы сделал Мухаммад?»). Более двадцати лет спустя он встречал косовских беженцев в аэропорту Окленда:

Ju keni pasur fat... Zelanda e Re ju garanton të gjitha të drejtat. Këtu sundon ligji... këtu s'ka të diskriminuar. Ju keni përgjegjësi të dyfishtë, si shqiptarë dhe qytetarë të Zelandës. Këtu do të jeni të respektuar e të mirëpritur... së bashku do t'i përballojmë të gjitha vështërsitë»^[22].

(Вам повезло... Новая Зеландия гарантирует вам все права. Здесь есть закон... здесь нет дискриминации. Вы несете двойную ответственность, как албанцы и граждане Зеландии. Здесь вас будут уважать и приветствовать... вместе мы преодолеем все трудности).

Возможно, подобный оптимизм был нереалистичным. Пока группы новых иммигрантов неловко работают над достижением определенной степени социальной интеграции, этому процессу нет определенного конца. Как и в случае с общинной

идентичностью и теологическим консенсусом, все институты — мусульманские и немусульманские — развиваются с течением времени с неопределенными и неточными результатами. Не иначе было в Новой Зеландии. Институциональная автономия и принятие (или терпимость) секуляризма были в такой же степени продуктами обстоятельств, как и результатом преднамеренных действий.

Исторически мусульмане Новой Зеландии воспринимали свое существование как меньшинства в христианской империи со смешанными чувствами. Даже примирившись с британским имперским наследием и модернизацией как составной частью своей общинной идентичности (и исторического прошлого), новозеландские мусульмане сегодня продолжают обсуждать эпоху и тему преимущественно в негативном ключе. Для многих мусульман этот опыт был формой цивилизационного шока: передача административного контроля (высшей исполнительной власти) над мусульманскими землями европейскому имперскому управлению была смягчена постоянными обещаниями конфессиональной автономии и свободы действий. Это напоминает читателю, что было бы обманчиво и упрощенно осуждать конец XIX и начало XX в. как исключительную эпоху нескончаемой колониальной тирании и жуткого имперского угнетения. Различные королевства и империи существовали на протяжении всей записанной истории, и династии, которые основали их и правила, всегда считали, что их гегемония, их социальные ценности и их религия приносят пользу им самим и их подданным.

Любопытно, что, когда после 1950 г. мусульмане Новой Зеландии активно выступали за религиозную автономию, они часто хотели вернуться к некоторого рода независимой исламской духовности, но оставались под широкой юрисдикцией англо-европейской правовой системы. Их стремление к религиозной автономии было в первую очередь оборонительным — подстегиваемым растущим агностицизмом или праздным атеизмом более широких слоев общества, тревогами и разочарованиями, связанными с модернизацией, а иногда и страхом перед христианским прозелитизмом. Эта мобилизация в конце концов нашла выражение в официальном создании различных региональных мусульманских ассоциаций в период с 1950 по 1980 г. и объединении в национальную Исламскую Федерацию в 1979 г.

Столь же сложной была судьба модернистской теологии в рамках зарождавшейся новозеландской мусульманской иден-

тичности. Проповеди и информационные бюллетени в пользу совместной жизни в светском обществе, населенном христианами, были ответами на экзистенциальные вопросы, касающиеся способности лидеров мусульманских общин интерпретировать исламский закон, чтобы прагматично истолковывать прецеденты в истории ислама и, таким образом, помогать мусульманским общинам сохранять лицо и веру. Еще более показательна тема модернистской мысли. В бурную послевоенную и постколониальную эпоху молодые мусульманские интеллектуалы делились модернистскими идеями из Каира и Стамбула, выступали за социальные реформы (такие как расширение прав и возможностей женщин или, по крайней мере, улучшение положения женщин в мусульманских обществах) и внедряли эти идеи. Несколько интеллектуальных сражений произошло между мусульманскими модернистами и традиционалистами в Новой Зеландии; по чисто прагматическим причинам реформистская повестка дня в значительной степени была принята за отправную точку. Хотя многие откровенные консерваторы и традиционалисты могли причислить себя к видным лидерам общины, они ни в коем случае не выигрывали в более широком культурном конфликте (особенно среди мусульманской молодежи, выросшей и получившей образование в Новой Зеландии). На самом деле консервативным головам оказалось трудно обуздать новозеландскую мусульманскую молодежь. Пользуясь доступным высшим образованием, как это ни парадоксально, новозеландские мусульманские институты усвоили аспекты как модернизационных тенденций, так и традиционалистских позиций. Что касается роли женщин в общественной сфере, то модернизационные тенденции выигрывают битву, хотя они все еще подвергаются критике^[23]. В Новой Зеландии страх потерять свою исламскую идентичность из-за изменений в социальных нормах был довольно доминирующим, как и идеал социального развития и прогресса.

Отождествление новозеландских мусульман с аспектами исламского реформизма восходит к более позднему периоду, а именно к первому десятилетию после создания Исламской федерации в 1979 г. До этого мусульманское население было очень небольшим, и многие люди склонялись к простым или традиционалистским взглядам на свою религию. После 1979 г. информационный бюллетень Исламской федерации выражал взгляды местных образованных мусульман, которые иногда противоречили более традиционалистским дискурсам, предлагаемым иммигрантскими улемами. С тех пор Исламская федерация сосре-

доточила свои ограниченные ресурсы на спасении ислама как культуры и практики. Ей удалось преуспеть в поощрении и развитии коранических образовательных целей и систем. По большей части ее лидеры сделали рациональные исследования, реформистские мысли и практические юридические вопросы ключевыми компонентами информационных бюллетеней сообщества^[24]. Смесь модернистского и традиционалистского стилей преподавания доминирует в деятельности мечетей, направленной на обучение молодежи; все идеализировали концепцию абстрактного «исламского общества», но подчеркивали признание светских рамок исламской практики в Новой Зеландии. Наконец, Федерация, как институт, закрепила свою роль в качестве высшей национальной организации новозеландских мусульман через средства массовой информации и утверждение монополии на сертификацию халяльных продуктов питания с целью финансирования исламской деятельности и мероприятий для сохранения мусульманской идентичности (и независимости от зарубежных источников финансирования).

Поэтому не существовало прямого пути в направлении того, что делает новозеландский ислам уникальным в Новой Зеландии сегодня. Многие из тех замечательных характеристик новозеландского ислама, который сегодня превозносится как либеральный или прогрессивный, на самом деле не были основаны на модернистском консенсусе или взяты из книг «княжких зеркал»^[25], а скорее кристаллизовались в ходе сложных процессов в течение некоторого времени и часто возникали из чистой макиавеллиевской необходимости. Вместо этого централизация, реформизм и исламское образование стали определяющими элементами самосознания новозеландских мусульман относительно недавно — в критический момент, когда ислам стал вопросом идентичности.

В защиту традиции

Второй особенностью новозеландской модели является тот факт, что сами местные мусульмане стали размышлять о специфике «новозеландской исламской традиции» и в более широких рамках развивающегося полиэтнического и поликонфессионального социального плюрализма. Это побудило государственные учреждения предпринять активные усилия по определению и сохранению подобных традиций.

Примечательно, что то, что кажется основой официально-го самосознания новозеландских мусульман (как определено выше), заключается в размытости различий между этнической принадлежностью и религией — точные границы расплывчаты и часто определяются по отношению к англо-европейскому большинству населения. Определения «мультикультурализма» остаются запутанными и уклончивыми (можно предположить, что намеренно). Например, личные духовные верования и практики редко рассматриваются как «обычай» или «традиция», но как «религия» исключительно в западном смысле. Суннитская традиция ислама стала полуофициальной позицией Исламской федерации, но точный *мазхаб* никогда не был определен представителями мусульманской общины. Лежащее в основе разумное объяснение таких дискурсивных ориентаций заключается в том, что суннитская традиция в самом широком смысле является не только прагматическим самоопределением, но и полезным инструментом самопозиционирования в религиозном контексте, который внезапно стал запутывающе плюралистическим.

После глобального возрождения ислама после 1980 г. новозеландские мусульмане столкнулись с тремя проблемами: политизация религии в различные злонамеренные международные махинации; возросшая активность внешних агентов, стремящихся повлиять на внутреннюю мусульманскую общину; и, наконец, плюрализация мусульманской общины в самой Новой Зеландии. Все они поставили под вопрос автономию и деятельность Исламской федерации в Новой Зеландии. Федерация боролась, но постепенно научилась отвечать на эти вызовы и преодолевать их. Получив значительную плату за сертификацию халяль, она создала скромную инфраструктуру, способствовала изучению классического (коранического) арабского языка, основала несколько комитетов и мероприятий и сумела найти место в новозеландском обществе^[26]. Однако самой серьезной проблемой оказался растущий внутренний плюрализм внутри самой Новой Зеландии.

С 1990-х гг. проникновение различных исламских течений в Новую Зеландию способствовало развивающейся перекалибровке в мусульманском общинном дискурсе относительно ислама в Новой Зеландии. Изменения в иммиграционном законодательстве и приток африканских и азиатских беженцев создали новые мусульманские общины. Сейчас множество мусульманских конгрегаций и организаций напомнит мудрому читателю удельные государства (*майфа*) мавританской Испа-

нии. Многие ранее отсутствовавшие, эксцентричные или находящиеся в покое идеи и виды исламской духовности быстро усиливались и распространялись, включая секты меньшинств, такие как ахмадия и шииты, суфийские группы и проявления неосалафизма^[27]. Окленд, крупнейший город страны, до недавнего времени являвшийся домом для одной мусульманской ассоциации и одной мечети, теперь стал домом для более чем тридцати таких организаций и множества исламских конгрегаций разного размера.

Все эти тенденции представляли собой реальные проблемы, но на разных уровнях. Несколько групп открыто поставили под сомнение монополию Исламской федерации как представлять всех мусульман, так и сертифицировать халяльные продукты питания. Некоторые начали предлагать альтернативные фетвы и мнения в различных средствах массовой информации и по разным каналам. Некоторые лидеры общин также открыто оспаривали легитимность некоторых традиционных религиозных практик (например, *милад ан-наби*), погребальных ритуалов, расчета времени Рамадана и так далее.

Диссидентский исламский дискурс распространялся через соответствующие переводы религиозной литературы и небольшие исламские центры, созданные в пригородах^[28]. Проповедники инициировали яростные нападки на легитимность Исламской федерации, и, поскольку некоторые из них получили образование в Аравии, они могли отстаивать свое иное видение ислама благодаря своему владению арабским языком (придавая им ауру консервативной аутентичности). Эти события переросли в попытки несогласных групп занять или захватить мечети^[29]. Наконец, в 2012–2013 гг. несколько человек уехали в Сирию и подвергали опасности существующий уклад фантазиями о Халифате там^[30].

В ответ Исламская федерация недальновидно попыталась вновь подтвердить свою неопровержимую власть и легитимность. На протяжении многих лет она следовала двум очень широким стратегиям: мягкой и строгой. Во-первых, Исламская федерация призвала улемов и умму быть непоколебимыми в своей приверженности исламу на основе Корана и Сунны; во-вторых, Федерация подтвердила свою единоличную власть над религиозными вопросами, такими как сертификация халяль^[31]. Как стало очевидно, провозглашать власть — не то же самое, что обладать ею. Стало необходимо искать другие каналы, чтобы узаконить миролюбивые требования Федерации и защитить

то, на что неявно нападали соперники (идею новозеландской практики ислама).

Хотя об исламской традиции новозеландских мусульман много говорят, на самом деле она остается эфемерным и часто расплывчатым упоминанием. Попытки дать мусульманской традиции Новой Зеландии явное рациональное обоснование или точное определение должны были стать одной из основных стратегий противодействия экстремизму или радикальным интерпретациям ислама^[32]. Это важный момент. Американский ученый Джон Лукаш писал: «История и жизнь состоят из сосуществования преемственности и изменения. Ничто не исчезает полностью»^[33]. Как только социальная единица позволяет искаженному или извращенному описанию своего прошлого — религиозного или светского — захватить высокую моральную основу в групповой дискуссии, тогда быстро возникает диссонанс, который трансформируется в проявления анархии, хаоса и беспорядка. То, что мы думаем об истории, формирует то, как мы думаем о себе в настоящем, и влияет на решения, которые мы принимаем в будущем. (Святой Августин настаивал на том, что вместилищем человеческого разума является память). Потеря веры в структуры демократического управления или личные права опасна для всех граждан.

Точное определение новозеландского ислама должно было стать полезной основой, на которой Федерация могла бы полностью восстановить свой авторитет. Это позволило бы легитимизировать, в противном случае, относительно пустое понятие, развивая и институционализируя местную традицию. Федерация должна была взять на себя задачу исследования истории новозеландских мусульман, включая ее превратности и перипетии, и участвовать в публичных дискуссиях об этом опыте и традициях. Ей следовало бы начать публиковать литературу о новозеландских мусульманских личностях, лидерах и мыслителях, чтобы создать корпус отечественного производства исламских знаний, обеспечивая более прочную эмпирическую основу для претензий на самобытную местную исламскую традицию. Федерации необходимо было начать регулярные публичные конференции по идеям, касающимся исламских обычаев, культуры и традиций^[34]. Такие симпозиумы позволили бы вести плюралистические дебаты о том, что именно составляет новозеландскую исламскую традицию, выдвигать аргументы в пользу ее исламских корней и легитимности и отвечать на них.

Либеральный процесс построения традиции, а не традиция либерального ислама

В то время как точное значение исламской традиции новозеландских мусульман остается несколько подвешенным между официальным и критическим дискурсами, которые не всегда совпадают, Федерации исламских ассоциаций Новой Зеландии удалось предварительно разработать свободное абстрактное представление модели новозеландской исламской практики, которая способна объединить сообщество иммигрантов, беженцев и новообращенных, и которую также стоило сохранять и открыть для некоторого диалога.

Я думаю, важно помнить, что — теоретически и теологически — действительно нельзя добавлять эпитет к «исламу» как таковому. Всегда немного неточно писать о «новозеландском исламе» в сравнении, например, с «австралийским исламом» или «арабским исламом». Вместо того чтобы пытаться таким образом проводить географические или богословские разграничения, я полагаю, что было бы полезнее перечислить — и, возможно, определить приоритеты — характеристики и особенности ислама, которые больше всего волнуют местных мусульман^[35]. Обычай и культура отличаются от традиции: последняя основывается на приверженности определенным ценностям, но также является продуктом общей общинной истории и других социальных норм (такие как сосуществование, интеграция и секулярность). Обсуждение «культуры» и «традиции» позволяет эксплицитно исследовать универсальную систему этических и религиозных норм. Только через культуру и традицию реформы и секуляризм могут действительно стать составной частью того, придерживаться чего социальной группе может быть предложено. Как выражается Лукаш, «В конце концов, все, что делает человек, зависит от какого-либо убеждения. Он будет говорить или действовать определенным образом, потому что считает, что такой способ речи или действия лучше другого»^[36]. Наконец, традиция позволяет социальным единицам определять свою собственную идентичность, не способствуя серьезным социальным разногласиям: мусульманская традиция Новой Зеландии в значительной степени является частью толерантной суннитской традиции и, следовательно, частью более широкой глобальной исламской традиции.

Например, даже если только Исламская федерация признана сертифицирующей халяльные продукты питания, многие люди и группы, включая язвительные и враждебные голоса, участвовали в более широких публичных дебатах по этой теме^[37]. Различные конференции, встречи и отчеты по этому вопросу продемонстрировали признаки взаимного признания между некоторыми критическими тенденциями и официальными учреждениями: проводится различие между теми мусульманами и группами, которые критикуют конкретные особенности процесса сертификации халяль (то есть те, кто, несмотря на оговорки, признают Исламскую федерацию), и теми субъектами и организациями, которые открыто сомневаются в Федерации^[38].

Таким образом, процесс создания и развития новозеландской халяльной традиции оказался достаточно гибким, чтобы постепенно включать различные мнения и взгляды без автоматического создания серьезных разногласий или подрыва национальной экономики. Это также инициировало эволюцию политики и представлений и даже сближение по некоторым другим вопросам на относительно консервативной основе. Успех и торжество традиции как процесса подтверждают точку зрения о том, что крайности и раздоры можно предотвратить. Внутренние претенденты по большей части признали выгоду совместной общинной структуры для определения общей этики здесь, но также признали роль Федерации в этом самом процессе. В настоящее время консервативные или неосалафитские голоса меньше озабочены халяльной сертификацией и больше прагматическими вопросами социальных отношений (семейные вопросы и религиозная мораль, хиджаб и порнография)^[39].

Таким образом, открытый процесс определения традиции не делает новозеландскую практику ислама «либеральной» с западной точки зрения. Скорее, существует постоянная необходимость установить или доказать легитимность ислама в смысле защиты религии. «Традицию» можно подтолкнуть к общинным или социально консервативным позициям или, по крайней мере, к терпимости к таким позициям. Колебание между рациональным видением индивидуалистической религии ислама по сравнению с более общинным, консервативным проектом, вероятно, будет присутствовать всегда.

Однако можно утверждать, что сам процесс делает традицию «либеральной» в другом смысле. Мусульманские институты Новой Зеландии оказались более чем способными

преодолеть сложный путь через вязкое множество политик и позиций, идеологий и влияний. Эта надежная и устойчивая способность к развитию посредством практического свода правил при сохранении связи с его основополагающими духовными нормами может быть даже истолкована как признак секулярности^[40]. Мусульманские организации Новой Зеландии часто ссылаются как на консервативный исламский религиозный авторитет, так и на свой статус в правовой системе Новой Зеландии, одновременно стремясь к легитимности за счет включения и убеждения большинства своих оппонентов.

Заключение

Рост и расширение мусульманской общины и ислама в Новой Зеландии в целом отражали международные тенденции, но с множеством местных особенностей и отличительных черт. Современные новозеландцы на самом деле не являются нацией, происходящей из одного источника, а вместо этого образуют спектр конфедеративных социальных единиц со схожими, но разными культурами и языковыми навыками. В последние годы в Новой Зеландии стало популярным обесценивать британское наследие и поощрять национализм маори. На самом деле эта страна как современное национальное государство построена на основе прочного британского колониального наследия — в культуре и законах. В большинстве самоописаний новозеландских мусульман новозеландская форма и практика ислама обычно основываются на централизованном институте (Исламская федерация) и более широком опыте общинного секуляризма и плюрализма. Такое искусное самовосприятие не отражает очевидной модели, то есть ясного и точного перечня составляющих и ценностей «либерального» или «прогрессивного» типа ислама. Скорее, это знак плодотворных стараний и усилий по обнаружению подходящих ответов на многочисленные экзистенциальные вызовы, поставленные реалиями религиозного плюрализма и глобализации, а также на вызовы духовной активности, деятельности, авторитету и автономии посредством создания и укрепления «новозеландской традиции ислама».

Около четырех десятилетий назад мусульманская община Новой Зеландии начала процесс подтверждения своих религиозных корней, авторитета и легитимности. Этот процесс все еще находится в стадии согласования. В настоящее время он,

по-видимому, имеет более практическую направленность и склоняется к ней с точки зрения определения основных религиозных и идеологических противоречий. Например, все мечети в этой стране были построены в основном за счет добровольных взносов (частных пожертвований); отчасти из-за огромных географических расстояний зарубежные вклады были редкими и примечательными. В целом этот подход помог указать дорогу и направить разногласия в дискурсивные процессы для разрешения противоречий; споры способствовали формированию неограниченной, но контролируемой общинной идентичности. Хотя формирующаяся идентичность сложна и непрерывна, она носит процедурный характер, разворачивающийся в рамках современной, опирающейся на светскость структуры, которая благоприятствует личным правам человека, капитализму и демократическим формам.

Не каждая мусульманская община в Новой Зеландии имеет свою особую иммигрантскую «традицию»; однако большинство мусульманских меньшинств диаспор в этой стране очень плюралистичны (если они не разделены в своих соответствующих групповых традициях и иерархических предпочтениях). В Исламской федерации большинство новозеландских мусульман имеют то преимущество, что они связаны с организацией: их представляет структура, которая является сложной и легко приспосабливающейся в достаточной степени, чтобы развиваться, взаимодействовать и договариваться в процессах саморефлексии в большей или меньшей степени. Вместо чрезмерно щепетильного набора конкретизированных принципов модель Исламской федерации Новой Зеландии вращается вокруг практичной и благоразумной организации религиозной жизни^[41].

Примечания

- [1] William Shepard, "Muslims in New Zealand", *Journal of Muslim Minority Affairs* 4, nos. 1 & 2 (1982): 60–81.
- [2] Термину «новозеландский мусульманин» не хватает строгого определения линнеевского таксономического группирования, он больше напоминает набор из магазина игрушек, содержащий характеристики, которые можно склеить в соответствующую религиозную идентичность.
- [3] Исторический обзор ислама и мусульманского населения Новой Зеландии см.: Abdullah Drury, "Mahometans on the Edge of Colonial Empire: Antipodean Experiences", *Islam and Christian-Muslim Relations* 29, no. 1 (2018): 71–87; Abdullah Drury, "Once Were Mahometans: Muslims in the South Island of New Zealand, mid-19th to the late 20th century, with special reference to Canterbury", магистерская диссертация, Университет Вайкато, Гамильтон, 2016; William Shepard, "New Zealand Muslims and Their Organisations", *New Zealand Journal of Asian Studies* 8, no. 2 (2006): 4–44.
- [4] Erich Kolig, "An Accord of Cautious Distance: Muslims in New Zealand, Ethnic Relations and Image Management", *New Zealand Journal of Asian Studies* 5, no. 1 (2003): 24–50.
- [5] Превосходное введение в становление современной Новой Зеландии см.: Paul Moon, *This Horrid Practice* (Auckland: Penguin, 2008); Stuart C. Scott, *The Travesty of Waitangi: Towards Anarchy* (Dunedin: Campbell Press, 1995); David Round, *Truth or Treaty? Commonsense Questions About the Treaty of Waitangi* (Christchurch: University of Canterbury Press, 1998); Kenneth R. Minogue, *Waitangi: Morality and Reality* (Wellington: New Zealand Business Roundtable, 1998).
- [6] James Belich, *Making Peoples: A History of the New Zealanders from Polynesian Settlement to the End of the Nineteenth Century* (North Shore: Penguin, 2007).
- [7] *New Zealand Population Census 1951, Volume III—Religious Profession* (Wellington, 1953), 9.
- [8] Ainsley Thomson, "Mazhar Krasniqi", *New Zealand Herald*, 31 December 2002, A6; Zohoor Mohammad Khan, "Mazhar Shukri Krasniqi", *One Hundred Great Muslim Leaders of the 20th Century* (New Delhi: Institute of Objective Studies, 2006), 157–160; Sabit R. Abdyli, *Bijtë e shqipëse në tokën e reve të bardha* (Auckland: Universal Print & Management, 2010), 88–90; Kurt Bayer, "Kaumatua' of Muslims in NZ dies aged 87", *New Zealand Herald*, 22 August 2019, A19.
- [9] См.: Drury, "Mahometans on the Edge of Colonial Empire"; Shepard, "New Zealand Muslims and Their Organisations"; Erich Kolig, *New Zealand's Muslims and Multiculturalism* (Leiden: Brill, 2010).
- [10] Joanna Wane, "Test of Faith", *North & South* (June 2016): 36–49.
- [11] X. Bougarel, "Bosnian Islam as 'European Islam': Limits and Shifts of a Concept", в *Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence*, под ред. A. Al-Azme and E. Fokas (Cambridge: Cambridge University Press, 2007).
- [12] Alija Izetbegovic, *Islam between East and West* (Plainfield, Indiana: American Trust Publications, 1993), xxxii.
- [13] Ислам выделяется среди основных мировых религий своим явным упором на принципы управления и государственной деятельности. В некоторых отношениях эти предпочтения считаются столь же важными, как и предписания, лежащие в основе частного поведения, убеждений,

практики и этики. Исторически мусульмане жили в рамках исламских государств, и важные разделы исламского учения были связаны с вопросом благотворного и справедливого политического управления: как лучше всего управлять обществом справедливо в соответствии с Божественными принципами. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы серьезные исламские ученые и теологи написали подробные заключения относительно того, как мусульмане должны жить как меньшинства, не имеющие реальной политической власти. Этот аспект способствует состоянию замешательства, колебаниям и внутренней напряженности в мусульманских общинах.

- [14] Thomson, “Mazhar Krasniqi”; Ismail Waja, “50 Years Celebrations”, *Al Mujaddid* (July 2001), 1–2, 7.
- [15] Ian Clarke, “Essentialising Islam: Multiculturalism and Islamic Politics in New Zealand”, *New Zealand Journal of Asian Studies* 8, no. 2 (2006): 69–96.
- [16] Douglas Pratt, *The Challenge of Islam: Encounters in Interfaith Dialogue* (Aldershot: Ashgate, 2005); William Shepard, *Introducing Islam* (London: Routledge, 2009).
- [17] Wane, “Test of Faith”.
- [18] Подробнее о Мазхаре Красники см.: Thomson, “Mazhar Krasniqi”; Beyer, “‘Kaumatua’ of Muslims in NZ dies aged 87”.
- [19] Киви – эндоним новозеландцев, происходит от киви (лат. apteryx) – нелетающих птиц, распространенных в Новой Зеландии. Оксфордский словарь английского языка впервые использует это слово для обозначения новозеландцев в издании 1918 г. – *Примеч. ред.*
- [20] Peter Trickett, “Minarets in Ponsonby”, *The New Zealand Listener*, 21 April 1979, 18–19.
- [21] “Eastern Dome For Skyline”, *New Zealand Herald*, 7 April 1980, 2; “City Mosque For Muslims”, *New Zealand Herald*, 28 March 1979, 1.
- [22] Abdyli, *Bijtë e shqipëse në tokën e reve të bardha*, 69.
- [23] Kolig, *New Zealand’s Muslims and Multiculturalism*, 140.
- [24] Shepard, “New Zealand Muslims and Their Organisations”.
- [25] Князьки зеркала, или Поучения владыкам – памятники средневековой арабо-мусульманской словесности, обращенные к правителям и рассматривающие условия, правила, цели такого управления государственными делами, которые принесли бы благо как самому правителю, так и общине мусульман. – *Примеч. ред.*
- [26] Kolig, *New Zealand’s Muslims and Multiculturalism*, 140–141.
- [27] Shepard, “New Zealand Muslims and Their Organisations”.
- [28] Erich Kolig, “Interfacing with the West: Muslims, Multiculturalism and Radicalism in New Zealand”, *New Zealand Sociology* 21, no. 2 (2006): 215–246.
- [29] Lincoln Tan, “If I was a Terrorist, I’d be in Hiding”, *New Zealand Herald*, 13 May 2014, 5; Lincoln Tan, “Jihad Threat to Mosque Security”, *New Zealand Herald*, 20 May 2014, 11; “Imam at Centre of Mosque Uproar Kept Under Police Surveillance”, *New Zealand Herald*, 24 May 2014, 3.
- [30] David Garrett, “Muslim Immigration: The Political Dilemma”, *Investigate* (August–September 2014), 10–11; “Isis Supporter has Nothing to Hide, Decries Atrocities”, *Waikato Times*, 8 November 2014, 3; “Kiwi Jihadi Labelled a Terrorist by United States”, *Press*, 1 April 2017, 2; Jason Walls, “Peters Lashes Out at Jihadi”, *New Zealand Herald*, 6 March 2019, 14.
- [31] Clarke, “Essentialising Islam”.
- [32] Shepard, “New Zealand Muslims and Their Organisations”.

- [33] John Lukacs, *At the End of an Age* (New Haven: Yale University Press, 2002), 31.
- [34] Kolig, *New Zealand's Muslims and Multiculturalism*, 20–49.
- [35] Izetbegovic, *Islam between East and West*.
- [36] John Lukacs, *At the End of an Age* (New Haven: Yale University Press, 2002), 58.
- [37] Rizwan Mohammad, “Halal more than just food—theme of Islam Awareness Week 2018”, *Indian Weekender*, 7 September 2018, 11.
- [38] Chun Foo-Yuen, “The Dynamics of the Halal Meat Trade in New Zealand and Australia”, *New Zealand and the Middle East*, ed. Ron MacIntyre (Christchurch: Australasian Middle East Studies Association, 1987), 149–176.
- [39] Kolig, *New Zealand's Muslims and Multiculturalism*, 20–40.
- [40] См. Charles Taylor, *A Secular Age* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007).
- [41] Drury, “Mahometans on the Edge of Colonial Empire”; Shepard, “New Zealand Muslims and Their Organisations”.